

Фруг Семен Григорьевич

Полное собрание сочинений

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С30

С30 **Семен Григорьевич Ф.**
Полное собрание сочинений: Том 2 / Фруг Семен Григорьевич – М.: Книга по Требованию,
2023. – 266 с.

ISBN 978-5-521-28752-9

ISBN 978-5-521-28752-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Геркулесь.

Шлоймэ Чаусь родился въ одно ясное утро въ началѣ іюня. Комната, въ которой онъ впервые увидѣлъ міръ Божій, была полна солнечнаго свѣта и запаху сирени, акацій, парного молока и рыхлаго чернозема. Впервые нагнувшійся къ нему отецъ задѣлъ его крохотное личико своей включенной русой бородой, въ которой торчало нѣсколько стебельковъ душистаго сѣна и кончикъ ржаного колоса. Это было первымъ общеніемъ Шлоймэ съ той природой, которая впослѣдствіи нашла въ немъ прилежнаго работника и преданнаго друга.

Тихо и ясно было то утро, въ которое родился Шлоймэ, и тиха и ясна была вся его скромная и спокойная жизнь, исключая періодъ хедера съ его зубрячкой, пинками и всѣми прочими ужасами. Все въ этой жизни, въ этомъ маленькомъ міркѣ, для Шлоймэ было ясно и понятно.

На краю колоніи находились развалины двухъ-трехъ избъ, куда дѣти и днемъ боялись заглянуть, въ увѣренности, что тамъ обитаютъ „шейдимъ“, выходящіе по ночамъ, чтобы пугать и даже „портить“ людей. Первымъ, кто пренебрегъ этими страхами, былъ Шлоймэ.

Однажды вечеромъ, отыскивая заблудившагося теленка, Шлоймэ проходилъ мимо странныхъ развалинъ и, отчаявшись въ успѣхѣ своихъ поисковъ, уже готовъ былъ направиться домой, какъ вдругъ до его слуха дошелъ сильный рывъ изъ развалинъ одной изъ избышекъ, гдѣ при первомъ же взглядѣ, онъ увидѣлъ знакомую голову теленка. Теленокъ стоялъ, пережевывая пучокъ зеленой травы, которою въ изобиліи поросли развалины избышки, и смотрѣлъ на него своими спокойными глазами. Шлоймэ вздрогнулъ, и первой мыслью его было бѣжать, пока „шедь“, предательски принявшій видъ теленка, еще не успѣлъ броситься на него и втащить въ свое мрачное обиталище. Но, отбѣжавъ на значительное разстояніе отъ развалинъ, онъ остановился, и въ головѣ его возникъ вопросъ: подлинно ли это былъ „шедь“? Если да, то отчего же онъ меня не тронулъ... даже не пустился меня догонять?... Странно... А что, если это былъ не „шедь“, а нашъ теленокъ?— продолжалъ размышлять Шлоймэ.

— Будь что будетъ! — рѣшилъ онъ послѣ пѣкотораго размышленія:— прочту три раза „Schema-Isroel“ и пойду посмотрю.

Съ замирающимъ сердцемъ приближался Шлоймэ къ развалинамъ. Въ огородѣ Арьи Левина, недалеко отъ этого мѣста, раздались голоса сына и дочери послѣдняго, загонявшихъ въ хлѣвъ корову. Это пѣсколько его ободрило, и онъ, хотя все еще робѣя, сталъ подходить къ тому мѣсту, гдѣ видѣлъ теленка. Теленокъ медленно двигался у края пыльной дороги, пощипывая траву и при

каждомъ шагѣ наступая на конецъ веревки, повязанной у него на шеѣ.

— Теля-теля-теля, — робко позвалъ Шлоймэ, и теленокъ, поднявъ голову, остановился и снова установился на него своими полусонными глазами. За рѣкой залаяла собака и послышалось блеяніе овецъ. Шлоймэ схватилъ конецъ веревки и со всѣхъ ногъ пустился бѣжать по направленію къ дому.

Теленокъ оказался настоящимъ теленкомъ, и съ тѣхъ поръ Шлоймэ уже не боялся этихъ страшныхъ развалинъ.

Рѣчка Ингулецъ противъ того мѣста, гдѣ стояла „дача“ его отца, содержателя сельской почты, была до середины очень мелка, и въ солнечное время, гуляя по берегу или плескаясь въ чистой и прозрачной влагѣ, Шлоймэ могъ видѣть все, что находится на днѣ: каждый камушекъ, червячокъ, крошечная рѣзвуха-рыбка—все было для него ясно. И когда однажды „бегельферъ“ Лейзке сталъ рассказывать дѣтямъ фантастическую сказку про одного еретика, котораго во время купанья проглотилъ страшный змѣй, поднявшійся со дна, Шлоймэ остановилъ его вопросомъ:

— Гдѣ это было... т. е., я думаю, гдѣ купался этотъ апикойрэсъ?

Лейзке украдкой посмотрѣлъ на него и продолжалъ:

— „Схватилъ это огненный змѣй нашего умника прямо за то мѣсто, гдѣ кладется „schel-rosch“ и въ одно мгновеніе...“

— Постой же, Лейзке, — снова прервалъ его

Шлоймэ; — я же тебя спрашиваю: гдѣ купался апи-койресь?

— Да чего ты привязался ко мнѣ, — окрысился на него рассказчикъ, — гдѣ купался? Понятно гдѣ — въ рѣкѣ, а не въ горшкѣ съ борщемъ...

— Э, врешь, Лейзке, врешь, — воскликнулъ въ свою очередь Шлоймэ: — на днѣ рѣки нѣтъ огненныхъ змѣй, тамъ есть рыбы, лягушки, черепахи, пауки, а огненныхъ змѣй нѣтъ... Ты, Лейзке, совралъ... Это ясно.

И все было ясно и понятно для Шлоймэ въ томъ маленькомъ міркѣ, гдѣ текли его ранніе годы, и каждое новое явленіе расширяло его опытъ и обогащало его дѣтскій умъ сообразительностью и находчивостью.

Такъ, однажды въ знойный полдень, лежа на спинѣ въ тѣни, падавшей отъ воза, на которомъ онъ пріѣхалъ съ отцомъ на поле во время жатвы, онъ сталъ смотрѣть въ знойное голубое небо, гдѣ, прямо надъ его головой, серебрилась прихотливо очерченная груда бѣлыхъ, какъ снѣгъ, облаковъ. Груда сначала казалась совершенно неподвижной, но при дальнѣйшемъ наблюденіи Шлоймэ сталъ замѣчать, что въ этой бѣлоснѣжной массѣ совершается какая-то тайная и въ высшей степени занимательная работа. Серебристые пласты, наваленные одинъ на другой, какъ будто тихо-тихо вздрагиваютъ, шевелятся, то расплываясь, то снова сползаясь и заслоняя другъ друга. Горячіе лучи ослѣпительно яркаго солнца пронизывали насквозь эту зыбкую, пушистую массу, которая постепенно стала принимать какіе-то новые тона,

желтые и дымчатые... Онъ закрываетъ глаза, и вскорѣ другіе образы возникаютъ передъ нимъ... Тонкіе, стройные тополи въ саду старой Готлибихи, пѣгая, однорогая корова Айзика Лапидуса, тетя Хая, уснувшая на завалинкѣ съ чулкомъ и спицами въ рукахъ, обшпаненный гусями и телятами стогъ ячменя на току сосѣда, Хаима Мосарскаго, какая-то коника и какой-то пѣтухъ съ испаранннмъ въ кровь и меланхолически повисшимъ гребешкомъ, — все это смѣшивается въ одну пеструю, фантастическую картину, сбивается, меркнетъ, расплывается; другіе образы, другія положенія возникаютъ, движутся, проходятъ, за ними еще и еще... Шлоймэ лежитъ неподвижно, слѣдя за этими видѣніями, и вдругъ — онъ вздрагиваетъ и широко открываетъ глаза: вдали раздается раскатъ грома. Онъ смотритъ наверхъ: отъ бѣлой груди, висѣвшей въ голубой вышнѣ, нѣтъ и слѣда. Небо покрыто сплошной массой тяжелыхъ, темносѣрыхъ тучъ, въ которыхъ время отъ времени вспыхиваютъ змѣевидные, ослѣпительно-яркіе огоньки. Рѣзкимъ холодкомъ вѣетъ отъ этихъ темныхъ, угрюмыхъ тучъ... По бѣлѣющей вдали дорогѣ пробѣгаютъ кружащіеся вѣтерки, поднимая густую, мягкую пыль... Шлоймэ! Шлемка! — слышитъ онъ голосъ отца: — ступай сюда, скорѣй, дождь будетъ... “ Съ тѣхъ поръ для Шлемы ясно, что если онъ когда-нибудь, въ знойный лѣтній полдень, увидитъ такія же облака на небѣ, то это значитъ, что надо готовиться къ дождю. Шлоймэ Чаусъ никогда впослѣдствіи, какъ онъ увѣрялъ, не былъ застигнутъ врасплохъ ни дождемъ, ни грозой.

Широкія степныя поляны, покрытыя сочной, зеленой травой, вѣяли здоровьемъ и бодростью въ открытое, веселое лицо Шлоймэ, и въ немъ развилась не только могучая степная сила, но и поразительная неустрашимость и отвага.

Забраться въ середину табуна, отдыхающаго въ холодку подъ выступомъ скалистаго берега, подрастѣя, какъ кошка, къ задремавшему стоя свѣрому жеребцу и выдернуть у него изъ хвоста пукъ волосъ—для Шлоймэ было дѣломъ самымъ легкимъ и пріятнымъ. А въ то время, когда ограбленный столъ предательски копъ еще только собирался метнуть вверхъ заднія ноги, Шлема уже паходился на значительномъ разстояніи, вѣвъ всякой опасности, или, если отретироваться своевременно нельзя было, прибѣгалъ къ такой уловкѣ: выдернетъ пукъ изъ хвоста намѣченной жертвы и тутъ же моментально вскочитъ на ближайшую клячу и сидитъ себѣ, выжидая, когда можно будетъ слѣзть и уйти своей дорогой. За то ни у кого изъ его товарищей не было такой удочки, какъ у Шлоймэ, — почти цѣликомъ связанной изъ длинныхъ бѣлыхъ волосъ, которые становятся незамѣтными въ водѣ, на горе и гибель бѣднымъ, довѣрчивымъ рыбкамъ.

Лошади вообще были его страстью, стихіей, и на нихъ главнымъ образомъ онъ воспиталъ и развилъ свою находчивость и ловкость.

Когда ему было лѣтъ 18, онъ славился во всей колоніи и даже въ окрестныхъ доревняхъ, какъ рѣдкій искусникъ обѣзжать, усмирять лошадей и „выгонять“

норовъ, несмотря ни на какія трудности и опасности. Доказалъ это онъ наилучшимъ образомъ на слѣдующемъ случаѣ.

Изъ коюшпи одного изъ цѣмечкихъ колонистовъ, Франца Баболя, вырвался трехлѣтній жеребецъ и, ухарски оставивъ хвостъ и разметавъ пушистую гриву, съ побѣдоноснымъ ржаньемъ пустился галопомъ по улицѣ, прямо на двухъ маленькихъ дѣвочекъ, энергично занятыхъ въ то время не то игрой, не то дракой, состоявшей въ томъ, что, наклоняясь и быстро зачерпывая руками песокъ, онѣ швыряли имъ другъ дружку въ лицо. Занятіе, начавшееся игрой, становилось дѣломъ амбиціи, и разгоряченные малютки и не замѣчали приближающейся опасности. Тутъ и явился на выручку Шлоймэ. Въ то время, когда остолбенѣвшіе отъ испуга сосѣди едва стали задавать себѣ вопросъ: что дѣлать? — Шлоймэ ужъ *дѣлалъ*. Мигомъ вскочивъ на своего караковаго „Буцыка“ и собравъ въ кольца веревку, которою онъ собирался было увязать возъ съ сѣномъ, онъ кинулся съ неимоверной быстротой въ догонку бѣглецу, и вотъ, бѣшенный жеребецъ, бесполезно подымаясь на дыбы, уже мечется на укороченномъ арканѣ.

— Молодецъ, Шлоймэ, молодецъ! — привѣтствовали его зрители этой сцены: — вотъ ужъ поистинѣ казакъ...

— Ну, ладно, ладно... казакъ! — огрызнулся Шлоймэ, расправляя спутавшуюся веревку и рукавомъ сорочки вытирая потъ съ лица: — казакъ! а вы вотъ, какъ

телята, стоите и ушами хлопаете... небось, трусили... Казакъ... тоже!...

Шлоймэ пользовался своей силой, находчивостью и отвагой не только когда это являлось необходимою, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда можно было обойтись помощью постороннихъ средствъ.

Служа объѣзчикомъ у сосѣдняго помѣщика, Шлоймэ получилъ однажды приказаніе выслѣдить убѣжище волка въ окрестностяхъ усадьбы, убить самку, а волчатъ принести на барскій дворъ для развлеченія маленькаго „паньча“ и его маменьки, бывшей институтки, по мнѣнію которой „это должно быть ужасъ какъ интересно — поддержать въ рукахъ настоящаго волчонка и покормить его сахаромъ и молокомъ“. Шлемъ предоставлено было взять на подмогу двухъ-трехъ человѣкъ дворовыхъ, но опъ это нашелъ нелпшнимъ — и отправился одинъ. Слѣдовало отыскать убѣжище, выслѣдить время, когда самки не будетъ, и забрать волчатъ. Явившись и не найдя дѣтенышей, волчица пойдетъ по слѣду и попадетъ въ заранѣе устроенную засаду. Такъ и случилось. Барченокъ и его маменька были внѣ себя отъ восторга при видѣ трехъ пузатыхъ волчатъ, еще слѣпыхъ и поразительно похожихъ на щенятъ. И въ то время, когда барыня, топая ногами, кричала на весь домъ, чтобъ скорѣенесли согрѣтое и разведенное сахаромъ молоко для этихъ „пузанчиковъ“, ползавшихъ по шелковой обивкѣ дивана, съ трудомъ перобирал своими короткими лапками, — со двора допесел какой-то странный шумъ. Смѣшанный лай собакъ слипался съ

гуломъ голосовъ, хохотомъ, визгомъ. Барыня кинулась къ окну, и глазамъ ея представилась слѣдующая сцена: посреди двора, окруженный толпой дворовыхъ мужиковъ, бабъ, дѣвокъ и подростковъ, стоялъ раскрасѣвшійся Шлоймэ съ исцарапанной въ кровь щечкой, а у ногъ его лежала крупная, темносѣрая волчица съ разинутой пастью, изъ которой сочилась кровь и лѣна, и со связанными кнутомъ погами. Волчица была жива. Нѣсколько поодаль виднѣлся доѣзжачій Захаръ, еле удерживавшій на своркѣ цѣлый десятокъ метавшихся и пронзительно лаявшихъ собакъ.

— Что случилось? крикнула въ открытое окно взволнованная барыня.

А случилось вотъ что:

Сдавъ волчатъ, вооруженный винтовкой Шлоймэ отправился къ узкому проходу между глубокимъ оврагомъ и оградой парка, гдѣ должна была прослѣдовать волчица, и, спрятавшись за густой терновникъ, сталъ ждать своей жертвы. Покончить съ волчицей при ея приближеніи къ засадѣ было дѣломъ одной секунды. Но Шлоймэ это показалось неинтереснымъ: его винтовка уложила уже не одного волка, и онъ рѣшилъ иначе расправиться съ волчицей. Къ чему расходовать зарядъ, когда можно схватить волчицу за уши, заложить ей глубоко поперекъ пасти осмоленную рукоятку араника, ремнемъ окрутить ее по шеѣ и ногамъ и, притащивъ на барскій дворъ, бросить въ средину голодной стаи. Это будетъ очень занимательнымъ зрѣлищемъ.

Впослѣдствіи Шлоймэ успѣлъ спасти двухъ тонувшихъ, вытащить съ полдюжины загрязшихъ на берегу рѣки, послѣ поповодя, коровъ и лошадей, накрыть цѣлую шайку конокрадовъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и случилось, наконецъ, нѣчто такое, предъ чѣмъ и Шлоймэ Чаусъ сталъ втупикъ.

Было лѣто 1853 года. Дни стояли жаркіе. Давно безоблачное небо дышало зноемъ и истомой. Огороды и баптаны желтѣли и сохли, сжигаемые зноемъ. За то жатва была прекрасная — и на полѣ и въ колоніи, на токахъ и въ сараяхъ, шла живая, спѣшная работа.

Шлоймэ только что пріѣхалъ съ поля съ нагруженнымъ снопами возомъ, отпрягъ лошадей и, задавъ имъ свѣжаго сѣна, отправился обѣдать. Жена его Ханэ, гладкая и румяная, подала на закуску громадную дыню-царьградку, такихъ же размѣровъ арбузовъ, который оказался недоспѣлымъ, и большой жбанъ, наполненный холоднымъ квасомъ. Шлоймэ, уставъ отъ жары и работы, съ большимъ аппетитомъ съѣлъ и дыню, и арбузъ, а за квасомъ послалъ даже вторично.

— Не слишкомъ ли много ты пьешь, Шлоймэ? — обратилась къ нему жена.

— А что?

— Фельдшеръ, сказываютъ, говорилъ, что въ Х. появилась какая-то страшная болѣзнь и что не слѣдуетъ ѣсть много овощей.

— Фельдшеръ твой, сердце мое, — перебилъ жену Шлоймэ, — понимаетъ столько же, сколько нашъ рыжій